

СРОК ХРАНЕНИЯ: ВЕЧНОСТЬ



ИИ

Александр Лунарский

Александр Лунарский

Срок хранения: вечность

«Автор»

2026

Лунарский А.

Срок хранения: вечность / А. Лунарский — «Автор», 2026

Что, если архив хранит всё — кроме ответа, которого вы ждёте? В 02:17 архивариус Лея Морозова находит голосовую запись, оборванную на вдохе. За ней — папка без владельца, файл с датой из будущего, человек, будто стёртый из истории. Чем глубже Лея погружается в тайны архива, тем яснее: восстановить данные — не значит вернуть прошлое. «Срок хранения: вечность» — роман о памяти, утрате и праве выбирать. Распутывая загадку, Лея учится отличать факты от тревожных версий, уважать чужие границы, принимать противоречивые чувства к близким и решать, что сохранить, а что оставить незаписанным. Для тех, кому близки психологическая проза и тайны прошлого. Эта история напомнит: не всякая правда отменяет последствия, а не всё личное обязано становиться записью. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Лунарский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Архивариус чужих жизней	6
Папка без владельца	10
Файл с датой завтра	15
Запрос на восстановление	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Лунарский

Срок хранения: вечность

Срок хранения: вечность

Александр Лунарский

Архивариус чужих жизней

В 02:17 Лея Морозова перетащила голосовой файл в папку «Восстановленные» и оставила воспроизведение на вдохе.

В динамиках кто-то собирался сказать важное. Или собирался чихнуть. Различить это архивариус не могла, зато могла с точностью до секунды установить, что запись началась в 21:43, была создана на телефоне марки «Север» и не попала ни в одну резервную копию. Для последнего она проверила три узла, сверила контрольные суммы и запросила журнал синхронизации.

Вдох сохранился. Слова — нет.

— Опять обещает что-то сказать, но не говорит? — спросил Павел, не отрываясь от монитора.

— Это не обещание. Это дыхание.

— У нас тут и дыхание считается документом.

Лея не ответила. Павел, как обычно, был прав ровно настолько, чтобы это раздражало.

На ночной смене «Палимпсест» напоминал не хранилище, а большой аквариум, в котором вместо рыб плавали чужие жизни. Серверные стойки светились за стеклянной стеной. Воздух был сухой, с привкусом пыли и холодного металла. На экранах двигались временные метки, номера резервных копий, запросы наследников и пропавших людей. Кто-то загружал фотографии, кто-то требовал закрыть доступ к старой переписке, кто-то надеялся найти последнее голосовое сообщение умершего отца.

Архив хранил не только то, что люди считали важным. Он сохранял случайное: фотографию размытого окна, сообщение «купить хлеб», запись дождя из кармана куртки. В цифровом мире любая мелочь могла пережить своего хозяина и стать ответом на вопрос, который никто пока не задал.

Лея работала здесь шестой год. Она знала, как отличить удалённый файл от повреждённого, как запросить восстановление версии, которой не было в основной копии, и как объяснить наследнику, что отсутствие записи тоже результат. Она умела обращаться с чужой памятью бережно, почти нежно. С собственной у неё выходило хуже.

На экране мигнуло уведомление: «Запрос наследника. Дело 18-0441. Допуск подтверждён».

Лея открыла архив Светланы Воронцовой. Женщина умерла четыре месяца назад; её дочь Надежда просила восстановить голосовые заметки за последние две недели. Законное согласие было приложено, права доступа проверены. Лея изучила журнал синхронизации и нашла три файла, которые не успели загрузиться в облачное хранилище.

Первый оказался списком покупок.

— Сыр, лимоны, крем для рук, — прочитала Лея. — Крем без запаха. Остальное неразборчиво.

Павел посмотрел на неё поверх монитора.

— Как ты это поняла?

— В конце она говорит: «Не тот, который в прошлый раз».

— Ты её знала?

— Нет.

Но Лея уже знала, что Светлана всегда называла дочь полным именем, когда волновалась, и «Надюшкой», когда хотела смягчить просьбу. Что крем с запахом жасмина однажды вызвал у неё головную боль. Что она оставляла голосовые сообщения вместо текстов, если не хотела показаться резкой.

На втором файле женщина говорила о погоде и спрашивала, нашла ли Надежда ключи. На третьем запись длилась семь секунд: короткий вдох, шорох одежды, щелчок окончания.

В форме запроса появилось сообщение от дочери: «Если там будет голос мамы, пожалуйста, пришлите. Я не помню, как она смеялась».

Лея медленно выдохнула. Запись не содержала смеха, но Надежде она отправит всё, что разрешено передать. Не больше и не меньше. Таков был протокол. Он защищал умерших от чужих догадок, а живых — от слишком уверенных ответов.

— Три файла готовы? — спросил Павел.

— Два содержательных. Третий неразборчив.

— Значит, неразборчивый тоже важен.

— Значит, он будет передан как неразборчивый.

Павел усмехнулся.

— Ты бы даже привидению выдала акт приёма-передачи.

— Только если у него подтвердились права на доступ.

Лея отправила отчёт и закрыла архив Воронцовой. Ей было легко помнить чужие детали. Иногда настолько легко, что спустя месяцы она могла назвать дату, когда женщина записала список покупок, и не вспомнить, чем занималась сама в тот день.

Следующий запрос касался пропавшего человека. Артём Нестеров исчез три года назад во время поездки, не оставив ни записки, ни подтверждённого маршрута. Его сестра просила открыть часть переписки и черновиков. Доступ был оформлен по решению суда и ограничен определённым временным промежутком.

Среди заметок Лея нашла три почти одинаковых фразы:

«Когда-нибудь уеду на север».

«Надо бы всё-таки уехать на север».

«В августе решу насчёт севера».

Разница между ними составляла одиннадцать месяцев, потом ещё восемь. В переписке Артём несколько раз спрашивал знакомого, не поздно ли менять работу в тридцать семь. Каждый раз тот отвечал, что не поздно. Каждый раз разговор заканчивался шуткой.

Лея задержала курсор над последним черновиком.

«Наверное, сначала надо понять, чего я хочу».

Она перечитала фразу, потом закрыла файл. В профессиональном отчёте она отметила только дату, тип записи и наличие черновика. Архивариус не имела права превращать чужое колебание в диагноз.

Но чужое колебание она узнала.

— Ты чего застыла? — спросил Павел.

— Восстанавливаю контекст.

— Уже восстановила. Теперь восстанавливай себя, а то у тебя на лице та же ошибка, что у зависшего сервера.

— Какая?

— Ты не отвечаешь на запрос.

Она посмотрела на него.

— У меня нет запросов.

— Вот именно.

Павел снова уткнулся в экран, будто сказал что-то незначительное. Лея вернулась к работе, но фраза Нестерова осталась с ней. Сначала понять, чего я хочу. Удобный порядок. Сначала ещё немного подумать, потом проверить данные, затем дожидаться более подходящего времени. Потом будет август, следующий август или тихий день, в котором никто не попросит ничего решать.

Лея знала этот маршрут. Она просто никогда не называла его своим.

В четыре утра она сняла наушники и пошла к шкафчикам за водой. В кармане куртки лежал телефон. На экране светилось непрочитанное сообщение от сестры Кати, полученное девять дней назад.

«Ты опять занята? Я не про работу. Скучаю. Давай увидимся, когда сможешь».

Лея открыла сообщение, но не ответила. Девять дней назад она собиралась написать вечером. Потом решила, что лучше позвонить. Потом решила, что звонок получится слишком внезапным. С тех пор телефон аккуратно хранил её намерение, не подвергая его риску исполнения.

В шкафчике рядом с бутылкой воды лежал тонкий блокнот. Она купила его год назад, потому что в магазине понравилась шершавая синяя обложка. На первой странице написала своё имя. На второй — список дел, в котором одним из пунктов значилось «начать вести записи». Дальше страницы оставались пустыми.

Лея взяла блокнот и вернулась в комнату отдыха. Там было тихо. Даже вентиляция гудела мягче, будто и она устала объяснять себя.

На столе лежала распечатка с рабочими номерами файлов. Лея убрала её в папку, закрыла рабочую программу на телефоне и положила рядом блокнот. Два предмета, две разные территории. Она не собиралась записывать в личную тетрадь имена клиентов, даты их жизни или свои выводы о чужих привычках. Эта история не принадлежала архиву.

Она открыла чистую страницу.

Сначала написала три вопроса, не торопясь и оставляя между ними достаточно места:

«Что я чувствую?»

«Чего я хочу?»

«Какое действие будет моим?»

На первый вопрос ответ нашёлся быстрее, чем ей хотелось.

Усталость. Тревогу. Злость на себя за то, что она снова не ответила Кате. И зависть — не к пропавшему Артёму, не к его северу, а к людям, которые хотя бы признавались, что не знают, чего хотят.

Она записала всё это мелким почерком. Потом перешла ко второму вопросу и замерла.

«Чего я хочу?»

На работе этот вопрос задавали не ей. Там спрашивали, что можно восстановить, кто имеет право получить доступ, сколько копий требуется и где хранится исходник. У этих вопросов были формы, сроки и понятные последствия. Если ответ не находился, можно было открыть ещё один журнал.

У личного желания не было журнала, куда следовало заглянуть.

Лея написала: «Хочу, чтобы Катя перестала думать, что мне всё равно». Перечитала и зачеркнула. Это было не желание, а требование к сестре. Написала: «Хочу, чтобы мы снова общались как раньше». Зачеркнула и это. Раньше было разным для них обеих, а ещё оно уже закончилось.

Она отложила ручку, прислушалась к гулу вентиляции и вернулась к странице.

— Хочу, — произнесла она тихо, проверяя, не звучит ли это как чужая реплика. — Хочу увидеть Катю не между делом.

Написала.

Потом добавила: «Хочу однажды поехать к морю не по дороге на конференцию». И ещё: «Хочу просыпаться в выходной без чувства, что я украла его у работы».

Три желания. Не план на жизнь, не обещание измениться к понедельнику. Просто три вещи, которые она заметила в себе, пока не успела их отредактировать.

На третий вопрос ответ оказался не лёгким, но хотя бы небольшим. Одно действие, которое будет её собственным. Не обязательно героическим. Не обязательно гарантирующим хороший результат.

Лея взяла телефон, открыла переписку с Катей и набрала: «Я скучаю тоже. Давай увидимся в воскресенье? Я не знаю, с чего начать, но хочу попробовать».

Она перечитала сообщение дважды. Потом нажала «отправить».

Экран показал одну серую галочку.

Лея положила телефон рядом с блокнотом. Её жизнь не переменилась за секунду. Она всё ещё была на ночной смене, за стеной гудели серверы, а на рабочем мониторе ждал список файлов. Но впервые за долгое время между желанием и действием не встала ещё одна проверка.

Она вернулась к столу и раскрыла журнал смены. Внесла туда только то, что требовалось: два дела обработаны, один запрос передан, восстановленные файлы проверены. Никакой Кати, моря или тревоги. Записи о клиентах остались в архиве. Запись о себе — в блокноте, который не подключался к сети и не принадлежал «Палимпсесту».

Лея датировала страницу и добавила внизу: «Сегодня я ответила сестре».

Подпись получилась чуть неровной. Она не стала её исправлять.

В этот момент на центральном мониторе всплыло системное уведомление. Лея сразу повернулась к экрану. Входящие объекты обычно приходили через очередь регистрации, вместе с идентификатором владельца, источником и перечнем разрешений. Если чего-то не хватало, объект отправляли в карантин.

На этот раз поле «Владелец» было пустым.

Лея наклонилась ближе. Строка «Источник» тоже не содержала данных. Ни номера запроса, ни резервной копии, ни отметки о передаче. Только название папки и адресат:

ПАПКА БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦА АДРЕСАТ: ЛЕЯ МОРОЗОВА

Система запросила подтверждение приёма.

Лея посмотрела на закрытый блокнот, потом на пустое поле владельца. За стеклом не изменился ни один огонёк. Павел что-то печатал в соседнем ряду. В архиве всё оставалось на своих местах, кроме этой папки.

Лея протянула руку к мыши и остановила её над кнопкой подтверждения. Чужие жизни она открывала по разрешению. Эту папку никто не просил принимать, и никто не мог объяснить, откуда она появилась.

Но впервые за ночь вопрос был адресован именно ей.

Папка без владельца

Указательный палец замер над кнопкой, а Лея заставила себя прочесть надпись под ней целиком. Система предлагала не просто открыть папку. Она просила подтвердить, что Лея принимает её на хранение и становится ответственной за дальнейшую работу с содержимым.

Отказ означал бы отправить объект обратно в очередь без объяснений. Принять — значит позволить архиву записать её имя в поле, которое пока оставалось пустым.

— Не нажимай, пока не поймёшь, что именно подтверждаешь, — сказал Павел.

Он стоял у соседнего стола, но смотрел не на экран Леи, а на неё. Павел умел замечать чужое напряжение, не превращая его в зрелище. В этом была одна из причин, по которым Лея ему доверяла.

— Тут есть режим изолированной проверки, — сказала она. — Без назначения владельца.

— Тогда начни с него. Если такой режим предусмотрен, значит, архив уже знает, что не всякий найденный предмет нужно немедленно считать своим.

Она нажала на серую кнопку «Поместить в карантин». Система запросила подтверждение и предупредила, что все действия будут внесены в журнал. Лея почувствовала, как под ладонью холодеет мышь.

— В журнал тоже, — сказала она.

— Особенно в журнал, — ответил Павел.

На экране возникло новое окно: «Изолированная среда готова». Ниже перечислялись сведения, доступные до просмотра содержимого. Лея медленно провела глазами по строкам.

Название: «Папка без владельца». Адресат: Лея Морозова. Владелец: не указан. Источник: не указан. Дата создания: отсутствует. Дата поступления: сегодня, 02:14. Права доступа: не назначены. Количество объектов: три.

Она нахмурилась. Смена дежурства начиналась в восемь. В два четырнадцать ночи в архиве не было ни планового переноса, ни автоматической загрузки. Система показывала, что папка поступила, но не откуда. Запись о создании отсутствовала, хотя папка уже содержала три объекта.

— Ошибка миграции? — предположил Павел.

— Может быть. Но тогда откуда адресат?

— Это вопрос для заявки, не для догадки.

Лея посмотрела на него. В голосе Павла не было ни насмешки, ни тревожного любопытства. Он предлагал ей не объяснение, а порядок действий.

— Я сохраню журнал, — сказала она. — Потом открою только в изолированной среде.

— Хорошо. И если внутри окажется личное, не решай на ходу, кому об этом рассказывать.

Она кивнула. Эта граница прозвучала особенно ясно: не потому, что она обязана была что-то скрывать от Павла, а потому, что даже хороший человек не получал автоматического доступа ко всему, что болит.

Лея выгрузила предварительную запись в служебный журнал. Система присвоила файлу контрольную сумму и показала сообщение: «Копия создана. Исходный объект не изменён». Она проверила, что отметка действительно появилась, и только тогда выбрала «Предварительный просмотр».

Три строки загрузились в закрытом окне.

Первой была фотография. Старый школьный снимок: класс у кирпичной стены, одинаковые букеты, белые воротнички, солнце, из-за которого почти все щурились. Лея узнала себя не сразу. Девочка во втором ряду держала руки за спиной и улыбалась так, будто улыбаться её

попросили взрослые. На рукаве школьной формы темнела маленькая нашивка, которую мать пришивала сама: синяя птица с неровным крылом.

Лея сняла пальцы с клавиатуры.

Она знала этот снимок. Или, точнее, знала бумажную фотографию в старом альбоме матери. На обороте той, домашней, мать написала дату и название школы. В цифровом файле не было ни подписи, ни отметки о сканировании. Только короткое имя: class_5_final.jpg.

В углу окна мигнуло предупреждение: «Метаданные отсутствуют».

Лея попыталась вдохнуть глубже. Воздух в архиве пах пылью от вентиляции и чуть горелым кофе. За стеклянной перегородкой тихо гудел принтер. Всё было обыденным, и от этого фотография казалась ещё более чужой.

Мать редко говорила о безопасности как о чём-то страшном. Она объясняла её почти буднично, когда Лея в первый раз завела страницу в школьной сети.

«Не выкладывай то, что не готова оставить на виду, — сказала она тогда, помогая придумать пароль. — Интернет забывает медленнее людей».

Лея помнила, как раздражалась. Ей хотелось показать подругам новую стрижку и снимок с поездки, а мать говорила о следах, которые останутся неизвестно где. В те годы осторожность казалась ей недоверием к миру. Теперь на экране лежала фотография, которую Лея сама в сеть не выкладывала.

Она отвела взгляд от снимка и перешла ко второй строке.

Файл назывался письмо_черновик.doc. Лея почувствовала, как напряглись плечи. Внутри открылся текст без даты и без данных об авторе. Несколько предложений она прочла и остановилась.

«Мам, я не хочу поступать на экономический только потому, что ты считаешь это надёжным. Я знаю, что ты хочешь, чтобы у меня была спокойная жизнь. Но если я буду выбирать так, чтобы ты не волновалась, это будет не моя жизнь».

Лея медленно закрыла окно предварительного просмотра.

Она помнила письмо. Не файл и не место, где его написала, а сам вечер: поздняя осень, старый ноутбук на кухонном столе, мать уснула в комнате после смены. Лея тогда собиралась подать документы на другой факультет. Письмо она не отправила. Наутро сказала только, что ещё подумает. Потом поступила туда, куда хотела мать, и много лет называла это «практичным решением».

Формулировка на экране была почти точной. Почти — потому что Лея помнила другую последнюю фразу. Или хотела помнить другую.

Третий файл назывался наблюдения.txt.

Лея прочитала первую строку:

«Перед неприятным звонком переставляет кружку и блокнот, даже если стол уже убран».

Она машинально посмотрела на свою кружку. Та стояла у края стола. Блокнот был закрыт рядом с клавиатурой.

Следующая строка гласила:

«Говорит “мне всё равно”, когда уже знает, чего хочет, но ждёт разрешения».

Лея перечитала её. Потом ещё раз.

В списке были точные мелочи и ошибки. Она действительно пересчитывала ступени, когда волновалась, но никогда не пила кофе после четырёх, как утверждала одна из заметок. Там же значилось: «Не отвечает матери до вечера, если заранее ожидает просьбу». Лея не могла понять, была ли эта фраза наблюдением, упрёком или частью чьей-то попытки составить её портрет.

За стеклом Павел поднял голову.

— Ты в порядке?

Лея закрыла просмотр третьего файла, не показывая ему экран.

— Пока не знаю.

Это был честный ответ. Не просьба спасти её и не обещание, что всё нормально.

Она открыла пустую таблицу и создала три колонки: «Факт», «Моя версия», «Что нужно проверить». Пальцы слегка дрожали, и первые буквы получились неровными. Лея не стала стирать их и начинать заново.

В первой строке она написала:

Факт: в папке есть школьная фотография, похожая на фотографию из семейного альбома. **Моя версия:** кто-то отсканировал снимок из альбома матери. **Что нужно проверить:** происхождение изображения, наличие такого файла в старых резервных копиях.

Во второй:

Факт: текст черновика похож на письмо, которое я помню, но метаданные автора и даты отсутствуют. **Моя версия:** файл мог сохраниться на домашнем компьютере. **Что нужно проверить:** была ли у меня цифровая копия и мог ли архив получить к ней доступ законным путём.

В третьей:

Факт: заметки содержат несколько точных наблюдений и как минимум одну ошибку. **Моя версия:** кто-то следил за моими привычками или записывал их. **Что нужно проверить:** дату, источник и историю доступа к заметкам.

Она задержала курсор над последней колонкой. Затем добавила ещё одну строку, не относящуюся ни к одному файлу:

Факт: я испугана и не знаю, кто собрал эту папку. **Моя версия:** это может быть предупреждение, попытка давления или чья-то проверка. **Что нужно проверить:** есть ли основания хотя бы для одной из этих версий.

Лея откинулась на спинку кресла. Внутри всё ещё жил быстрый, почти приятный в своей убедительности страх. Он уже предлагал ей готовый сюжет: кто-то знает о ней слишком много, кто-то выбрал именно её, кто-то хочет заставить её вспомнить. Но ни одна из этих фраз пока не была фактом.

Она посмотрела на три колонки. Таблица не успокаивала. Она возвращала каждому утверждению правильный вес.

— Что там? — спросил Павел.

Лея повернула к нему экран таблицы, оставив окна с документами закрытыми.

— Личное. Есть фотография и старый черновик письма. Я не хочу пока показывать текст.

— Понял.

— И ещё заметки о привычках. Часть точная, часть нет.

— Тогда не будем называть их доказательством наблюдения, пока не узнаем, откуда они взялись.

Павел не спросил, кому было адресовано письмо. Не спросил, что именно она хотела сказать матери. Его спокойное молчание оказалось не пустотой, а уважением к двери, которую Лея пока не открыла.

Она взглянула на закрытый блокнот. В прежней жизни ей часто казалось, что отказ отвечать немедленно — это невежливость, а просьба о времени — признак слабости. Теперь перед ней лежало не сообщение от знакомого человека, а неизвестный объект без источника и прав доступа. Не отвечать мгновенно было не слабостью. Это было единственным разумным действием.

В служебной форме проверки система предложила вопрос: «Подтверждаете ли вы принадлежность материалов адресату?»

Лея выбрала «Не могу подтвердить». Появилось новое поле: «Комментарий к решению».

Она набрала: «Содержание может включать персональные сведения. Не назначать меня владельцем. Сохранить объект в изолированной среде до установления происхождения».

Перечитала и добавила: «Не использовать содержимое для автоматического пополнения моего личного профиля».

Эта фраза заставила её задержаться. Она не знала, собиралась ли система что-либо пополнить. Но теперь у неё была возможность обозначить границу заранее, а не после того, как кто-то решит за неё.

Перед отправкой форма запросила подтверждение сохранения журнала доступа. Лея выбрала полный журнал, включая время открытия каждого файла и имя учётной записи. Затем сохранила его копию в защищённом рабочем разделе. Проверила дату, контрольную сумму и отметку «только чтение».

Потом открыла официальный запрос на установление происхождения объекта.

Она описала несоответствия без догадок: владелец не указан; источник отсутствует; дата создания не заполнена; дата поступления не совпадает ни с одной запланированной операцией; права доступа не назначены; папка адресована конкретному сотруднику. Указала, что среди материалов обнаружены документы, потенциально относящиеся к её личной жизни, но отказалась включать в заявку их содержание.

В поле «Дополнительные сведения» Лея написала: «Прошу установить способ поступления, историю доступа и основание адресации. До завершения проверки не копировать материалы в персональные хранилища и не предоставлять доступ третьим лицам».

Она перечитала всё целиком. Это не было обвинением. Не было и попыткой убедить себя, что опасности нет. Это был перечень того, что она знала, и того, чего пока не знала.

Лея нажала «Отправить».

Система присвоила обращению номер и вывела на экран подтверждение. Одновременно появился запрос: «Добавить обнаруженные файлы к заявке?»

— Не содержание, — сказала она вслух, будто подтверждала решение не только компьютеру. — Только сведения о составе и контрольные суммы.

Она поставила соответствующую отметку. Система ответила: «Копия обращения сформирована».

Павел подошёл ближе, но остановился у края её стола.

— Нужна помощь с заявкой?

Лея посмотрела на него и впервые за всё это время заметила, что всё ещё сжимает мышь так сильно, будто та могла выскользнуть и разбить что-нибудь важное.

— Пока нет. Спасибо, что не просишь показать.

— Ты сказала, что не готова. Этого достаточно.

Она отпустила мышь. Пальцы ныли.

На экране появилась новая строка в журнале: «Сохранена копия запроса». Лея открыла подробности, чтобы убедиться, что туда попала только служебная информация. Вложений с содержимым не было. Зато система автоматически добавила к квитанции файл подтверждения — документ, созданный архивом при регистрации обращения.

Лея заметила его дату.

Она нахмурилась, приблизила строку и проверила поле ещё раз. В графе «Создан» стояло завтрашнее число.

Только что сохранённый запрос был помечен временем, которого ещё не наступило.

— Павел, — тихо сказала она.

Он подошёл и посмотрел на экран.

Ни один из них не заговорил сразу.

Лея не закрыла окно и не нажала на вложение. Она сделала снимок экрана, добавила новую строку в таблицу и записала туда только то, что могла подтвердить: квитанция существует; указанная дата — завтрашняя; содержимое не открыто.

Страх снова предложил ей историю. На этот раз она не стала её записывать.

Сначала — факт. Потом — проверка. И только после неё — вывод.

Файл с датой завтра

Павел не потянулся к вложению. Он отодвинул от клавиатуры кружку и поставил её на край стола, словно даже лишнее движение могло случайно запустить файл.

— Сначала часы, — сказал он.

Лея кивнула. В помещении гудела вентиляция, и в этом ровном шуме особенно ясно слышалось, как щёлкнул пластмассовый корпус настенных часов. Без трёх минут десять. На мониторе рядом с квитанцией время было другим: 21:57. Завтрашняя дата в строке «Создан» не выглядела опечаткой. Она стояла там уверенно, как печать на чужом решении.

Лея сделала ещё один снимок экрана — вместе с системными часами и адресной строкой портала. Павел сохранил копию квитанции в отдельную папку и проверил контрольную сумму. Они не открывали вложение и не нажимали на ссылки внутри него. Пока у них было только то, что можно было увидеть снаружи: имя файла, формат, размер и странная дата.

Файл назывался voice_17.wav. Размер был небольшой. Длительность портал не показывал.

— Проверим рабочую станцию, — сказала Лея.

На компьютере дата была сегодняшняя. Она сверила её со своим телефоном, потом с телефоном Павла. Разница составляла меньше секунды. Они открыли журнал синхронизации архивного сервера. Последняя корректировка времени прошла вечером; перехода на другой часовой пояс не было. В журнале регистрации самого запроса стояла сегодняшняя дата.

Павел провёл пальцем по строкам на экране.

— Значит, сервер не думает, что уже завтра.

— Значит, по крайней мере, часы сервера и наши часы совпадают.

— А дата файла?

Лея посмотрела на слово «Создан».

— Это мы пока не знаем. Поле может показывать дату в метаданных, а не момент, когда файл появился здесь.

— Могли выставить вручную.

— Могли. Но это версия, не факт.

Она произнесла это негромко, почти буднично. И всё же слова оказались полезнее, чем хотелось признать. Тревога уже нашла себе удобную дорожку: кто-то из будущего, предупреждение, опасность, необходимость немедленно вычислить всех, кто мог иметь доступ к архиву. Но первая развилка была проще: не перепутать то, что они наблюдали, с тем, что боялись увидеть.

Павел увеличил строку с именем вложения.

— Ты готова открыть?

Лея не сразу ответила. До этой минуты «не открывать» было способом сохранить себе пространство. Теперь она могла выбрать проверку. Не полную, не обещающую ответов, но ограниченную и понятную: посмотреть формат, прослушать одну короткую запись, ничего больше не запускать.

— Да. Сначала проверим тип файла и сделаем копию. Потом один раз прослушаем.

— Один?

— Один.

Они перенесли вложение в изолированную папку, созданную для проверки материалов. Павел ещё раз сверил контрольную сумму оригинала. Лея поставила на стол телефон экраном вниз и сняла наушники с крючка. В комнате стало так тихо, что она услышала слабое потрескивание динамика, когда тот подключился.

Запись длилась девять секунд.

Павел нажал воспроизведение.

Сначала раздался короткий шорох, будто микрофон задела пальцем. Потом — вдох.

— Лея. Завтра не подписывай акт передачи архива. Что бы тебе ни сказали, не подписывай.

Голос замолчал.

В записи не было музыки, помех или эффектного искажения. Только несколько секунд почти чистой тишины после последнего слова и щелчок, похожий на конец обычного голосового сообщения.

Лея не сняла наушников.

Ей показалось, что в комнате изменился воздух. Она слышала только собственное дыхание и далёкий гул вентиляции. Затем Павел произнёс её имя, и звук вернул её к столу.

— Это ты?

Она осторожно сняла наушники.

— Похоже.

— Очень похоже.

— В том числе пауза перед словом «подписывай». Я так делаю, когда собираюсь сказать что-то неприятное.

— Я знаю.

Лея посмотрела на изображение звуковой дорожки. Тонкая линия, несколько выступов, короткий хвост тишины. График не выглядел мистическим. Это и было самым страшным: голос не вырывался из темноты, не шипел и не звучал как чужая маска. Он просто принадлежал ей. Или очень хорошо её изображал.

Павел потянулся к кнопке повтора.

— Не надо, — сказала Лея.

Он остановил руку.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому не надо.

Она хотела бы услышать запись ещё раз и проверить каждую интонацию. Хотела бы добиться такой степени уверенности, при которой страх перестал бы иметь право голоса. Но бесконечное повторение не обещало ответов. Оно обещало только новые подробности для тревоги: другой оттенок дыхания, едва заметный шорох, паузу, которую можно было принять за знак.

Лея открыла блокнот. В верхней части страницы написала: «Лестница уверенности».

— Что ты делаешь? — спросил Павел.

— Разделяю уровни. Чтобы не отправиться сразу на верхний этаж.

Первую ступень она обозначила словом «Знаю».

«В квитанции есть файл voice_17.wav. В поле “Создан” указана завтрашняя дата. Часы рабочей станции, телефонов и сервера показывают сегодняшнюю дату. В записи звучит голос, похожий на мой. В нём говорится: не подписывать акт передачи архива».

Она перечитала последнюю фразу и добавила: «Я слышала это один раз».

— На второй ступени? — спросил Павел.

Лея написала: «Вероятно».

«Дата относится к метаданным файла, а не к фактическому времени записи. Голос может быть настоящим, обработанным или воспроизведённым из других материалов. Кто-то мог заранее создать файл и указать дату. Автоматическая система могла присоединить его к ответу».

Павел наклонился над блокнотом.

— Автоматическая система не объясняет, почему голос твой.

— Не объясняет. Я и не написала, что объясняет.

На третьей ступени она вывела: «Не могу знать сейчас».

«Кто создал файл. Когда была сделана запись. Есть ли завтра акт передачи. Почему в сообщении обращаются ко мне. Можно ли доверять этому предупреждению».

Ручка задержалась над бумагой.

В этот момент неизвестность стала видна. Не как темнота, которую нужно немедленно осветить целиком, а как пространство с тремя разными участками: на одном были факты, на другом — правдоподобные версии, на третьем пока не было ничего, кроме вопросов. Лея заметила, как быстро хотела перескочить через середину. Найти объяснение. Получить гарантию. Установить, кто и зачем. И только потом позволить себе решить, что делать.

Но гарантия не появлялась от того, что она сильнее сжимала ручку.

Павел свернул окно с записью и вернулся к журналу синхронизации.

— Здесь ещё есть отметка о регистрации вложения. Время сегодняшнее. Само поле «Создан» могло быть заполнено отдельно.

Он говорил спокойно, не пытаясь успокоить её выводом, которого у них не было.

— А акт? — спросила Лея. — Есть у нас хоть одно упоминание акта передачи?

Павел проверил список документов, связанных с запросом, затем внутренний календарь отдела.

— В календаре нет. Среди сегодняшних сообщений тоже нет.

— А в архиве?

— Пока мы не нашли. Но это не означает, что его нет вообще.

— Хорошо.

Она сказала это не потому, что происходящее стало понятным. Наоборот, неизвестного оставалось достаточно. Хорошо было то, что Павел не выдавал отсутствие результата за доказательство. Хорошо было и то, что им не требовалось решить сегодня, откуда взялся голос.

На экране телефона вспыхнуло напоминание: «Нина, 19:00. Ужин». Лея уже пообещала подруге провести вечер вместе. Они собирались поехать в маленьком кафе у набережной, а потом пройтись до моста. Обычный план, не связанный ни с архивом, ни с тайнами, ни с чьими-либо предсказаниями.

Она открыла переписку и набрала: «Прости, сегодня не получится. Срочно возникло дело. Я объясню потом».

Большой палец замер над кнопкой отправки.

Если она отменит встречу, то сможет провести вечер за поиском акта, которого никто пока не видел. Проверить старые письма, просмотреть журналы, составить список сотрудников с доступом. Может быть, позвонить руководителю и предупредить, что завтра нельзя ничего подписывать. Может быть, прямо сейчас потребовать объяснений у всех, кто имел отношение к запросу.

Или записать, что именно известно, что нужно проверить и когда она вернётся к вопросу.

Лея перечитала сообщение. Отмена принесла бы ей несколько часов действий, но не больше данных. Она стёрла текст и написала заново: «Я буду. Могу немного опоздать».

— Идёшь? — спросил Павел.

— Да.

— После такой записи?

— Не потому, что запись не важна. Потому, что я не знаю, что она значит.

Он посмотрел на блокнот, потом на неё.

— Это разумно.

— Это пока просто следующий шаг.

Лея выключила монитор, но не закрыла дело. Перед уходом они сохранили журнал проверки и отметили, что содержимое прослушано однократно. Она не написала в таблице «голос из будущего». Не написала и «подделка». Оставила формулировку, которую могла подтвердить

дить: «Запись с голосом, похожим на голос Леи. Содержит предупреждение об акте передачи архива. Источник неизвестен».

В кафе было тепло, шумно и тесно. На запотевшем окне дрожали отражения фар. Нина уже сидела за столиком у стены; перед ней остывал чай, рядом лежал раскрытый журнал с цветными закладками. Увидев Лею, она подняла брови.

— Ты выглядишь так, будто весь вечер пыталась не нажать на какую-то кнопку.

— Почти угадала.

Лея сняла пальто. Несколько минут она следила за разговором с усилием: отвечала на вопросы, улыбалась в нужных местах, разглядывала пар над тарелкой. Телефон лежал рядом экраном вниз. Иногда Лея ловила себя на том, что мысленно возвращается к голосу. Завтра не подписывай. Что бы тебе ни сказали.

Слова звучали внутри неё как распоряжение, хотя никто не назначал их распоряжением.

— Что случилось? — спросила Нина, когда они заказали еду.

Лея подумала, сколько хочет рассказать. Можно было пересказать всё: квитанцию, дату, запись, сходство голоса. Но не обязательно было отдавать другому человеку каждую деталь только потому, что самой ей было тревожно.

— В архиве появилась странная запись. Похожа на мой голос. Она датирована завтрашним днём и предупреждает меня о документе, которого я пока не видела.

Нина перестала листать журнал.

— И ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Тогда хотя бы не называй это ответом.

Лея посмотрела на неё.

— Не называю. Пока это сообщение, которое я проверяю.

— А отменять вечер собиралась?

Лея усмехнулась.

— Уже набрала.

— И что остановило?

— Я поняла, что могу отменить встречу, но не могу отменить неизвестность.

Нина подвинула к ней тарелку с хлебом.

— Неплохое начало ужина.

Это не решило загадку. Не сделало голос менее узнаваемым и завтрашнюю дату менее странной. Но разговор вернул Лее простую вещь: она могла не знать, что будет дальше, и при этом оставаться здесь, за столом, среди запаха горячего супа, звона ложек и привычного света над окном. Мир не требовал, чтобы она сначала разгадала файл, а потом заслужила право на вечер.

После ужина она всё-таки прошла с Ниной до моста. Дважды рука потянулась к телефону, но Лея не достала его. Когда они попрощались, город был мокрым от недавнего дождя. В лужах дрожали фонари, и каждый казался чуть смещённым относительно своего отражения.

Дома Лея снова открыла сохранный карточку вложения. Теперь, когда отступила первая волна страха, она стала читать не только предупреждение, но и технические поля. Внизу обнаружилась строка со связанным объектом. Рядом серым шрифтом: «Предыдущая версия недоступна».

Ниже была кнопка: «Запросить восстановление».

Лея не нажала на неё. Она записала номер объекта и сделала снимок экрана. Теперь у неё был конкретный следующий вопрос, а не только тревожное предположение: существовала ли прежняя версия и можно ли получить её официально.

Она открыла календарь и поставила на завтра напоминание на половину десятого: «Пересмотреть решение после новых данных. Проверить входящие и наличие акта. Если документ появится — запросить копию и время на прочтение».

Не «разгадать всё». Не «не допустить ни одного плохого исхода». Только вернуться к вопросу, когда появятся новые сведения.

Лея сохранила напоминание. Голос из файла по-прежнему мог оказаться чем угодно. Будущее не стало яснее. Но ближайший шаг теперь принадлежал ей.

Она закрыла календарь, оставив карточку восстановления на экране. За окном шёл дождь, и в его ровном шуме больше не слышалось приказа. Только повод завтра задать архиву следующий точный вопрос.

Запрос на восстановление

На следующее утро Лея открыла карточку восстановления раньше, чем успел зазвонить будильник на компьютере. Напоминание всплыло ровно в половине десятого: «Пересмотреть решение после новых данных». Она проверила входящие. Акта не было. Статус прежней версии оставался прежним: недоступна.

Лея перечитала сохранённый вопрос, убрала из него всё лишнее и отправила в архивную службу официальный запрос: подтвердить, существовала ли предыдущая версия, и предоставить журнал её изменений, если он сохранился. Система присвоила обращению номер. Этого было достаточно на сейчас.

Она ещё не успела закрыть карточку, когда на соседнем экране вспыхнуло уведомление: «Срочное обращение. Восстановление личного архива. Ирина Соколова».

К нему прилагалась короткая записка: «Фотографии и переписка удалены семь лет назад. Прошу восстановить всё, что возможно. Важно получить материалы до конца недели».

Лея открыла историю хранилища. Архив Соколовой был загружен в систему много лет назад, а затем удалён из пользовательского доступа. Однако в соответствии с условиями старого договора сохранился контрольный образ носителя. Его резервная копия лежала в холодном хранилище, нетронутая и, судя по журналу проверок, повреждённая лишь частично.

Она посмотрела на слово «всё» и подумала, что оно часто появляется в запросах, когда человек не знает, чего именно боится лишиться.

Через час Ирина Соколова сидела напротив неё в переговорной. На коленях у неё лежала синяя папка, которую она держала обеими руками, будто та могла выскользнуть и упасть. Женщина была невысокой, с короткими седыми прядями у висков. Сняв пальто, она аккуратно сложила его на спинку стула, но шарф оставила на шее.

— Вы сказали, что сохранился образ диска, — напомнила она. — Значит, файлы есть.

— Часть данных могла сохраниться. Это ещё не значит, что все файлы восстановятся целиком.

— Я понимаю, что у вас есть процедура. Но мне нужно не объяснение процедуры. Мне нужны фотографии и письма.

Лея положила на стол лист с условиями восстановления.

— Мы сначала создаём рабочую копию контрольного образа. Исходник не трогаем. Затем проверяем, какие данные читаются, какие повреждены и какие можно вернуть. Я не могу обещать, что восстановится всё.

— Но шанс есть?

— Да. Шанс есть.

Ирина кивнула, словно услышала главное и решила пока не замечать остального.

Лея объяснила, что в архиве могут оказаться не только её фотографии и документы, но и переписка с другими людьми. Для выдачи таких материалов требовалось подтвердить согласие всех участников, чьи сообщения входили в общий объект хранения.

Ирина отпустила папку и сцепила пальцы.

— Переписка с дочерью?

— В том числе. Если она обнаружится, мы не сможем передать её вам без подтверждённого согласия дочери.

— Это мой архив.

— Да.

— Мой аккаунт. Мой старый диск. Я сама его оплачивала.

— Я это вижу в документах.

— Тогда почему я должна просить разрешение на свои письма?

Лея выдержала паузу. Ей хотелось ответить коротко и безупречно, как отвечала система: «Объект содержит данные третьих лиц». Но Ирина смотрела не на экран. Она ждала, признает ли Лея хотя бы то, что правило звучит нелепо в человеческом разговоре.

— Потому что в переписке есть не только ваши слова, — сказала Лея. — И потому что сама переписка хранится как общий объект. Это не оценка ваших отношений и не решение о том, кто прав. Это граница доступа.

— Ей тридцать четыре года. Она давно взрослая. Я её мать.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Если бы понимали, не заставляли бы меня просить у неё разрешение посмотреть то, что она сама когда-то мне написала.

— Возможно, вы правы в том, что со стороны это выглядит странно. Но я всё равно не могу передать вам чужую часть переписки без согласия.

Ирина отвернулась к окну. За стеклом, заляпанным дождём, люди торопились через двор, поднимая воротники. Несколько секунд она молчала, а потом тихо сказала:

— Она не согласится.

Лея не спросила, когда они разговаривали в последний раз. Не спросила, почему прекратили. В архивной карточке этих ответов не было, а выманивать их ради удобного понимания было бы почти так же бесцеремонно, как открывать чужую почту.

— Мы можем восстановить данные и пока не выдавать эту часть, — сказала она. — Вам передадут список того, что обнаружено. Фотографии и личные документы, которые принадлежат только вам, пройдут отдельную проверку. Если в переписке найдётся читаемый материал, архив сможет направить дочери нейтральный запрос о согласии. Только если вы сами разрешите. Если она не ответит или откажет, мы не передадим сообщения.

— То есть можно восстановить то, чего я не смогу прочитать.

— Да.

— Это звучит как издевательство.

Лея не стала спорить. В этом действительно было что-то жестокое: вернуть вещи к порогу и оставить человека с закрытой дверью.

— Понимаю, почему вы так говорите, — сказала она.

Ирина помолчала, потом подписала согласие на техническую проверку. Перед подписью она прочитала каждую строку и спросила, можно ли отозвать разрешение до выдачи материалов. Лея подтвердила: можно. Ирина попросила указать это в копии договора.

Когда она вышла, Лея создала рабочий образ носителя и включила режим защиты от записи. Исходные данные нельзя было менять, даже если очень хотелось бы «починить» их на месте. Восстановление начиналось не с вмешательства, а с сохранения того, что ещё уцелело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.